

Макс ВЕБЕР

**ВЛАСТЬ
И ПОЛИТИКА**

Ф И Л О С О Ф И Я В Л А С Т И
с Александром Филипповым

Философия власти с Александром Филипповым

Макс Вебер

Власть и политика (сборник)

«РИПОЛ Классик»

УДК 32
ББК 66.0

Вебер М.

Власть и политика (сборник) / М. Вебер — «РИПОЛ Классик»,
— (Философия власти с Александром Филипповым)

ISBN 978-5-386-09856-8

Многовековой спор о природе власти между такими классиками политической мысли, как Макиавелли и Монтескье, Гоббс и Шмитт, не теряет своей актуальности и сегодня. Разобраться в тонкостях и нюансах этого разговора поможет один из ведущих специалистов по политической философии Александр Филиппов. Макс Вебер – один из крупнейших политических мыслителей XX века. Он активно участвовал в политической жизни Германии, был ярким публицистом и автором ряда глубоких исследований современной политики. Вебер прославился прежде всего своими фундаментальными сочинениями, в которых, в частности, предложил систематику социологических понятий, среди которых одно из центральных мест занимают понятия власти и господства. В работах, собранных в данном томе, соединяются теоретико-методологическая работа с понятиями, актуальный анализ партийно-политической жизни и широкое историко-критическое представление эволюции профессии политика на Западе в современную эпоху, эпоху рациональной бюрократии и харизмы вождей. Данный том в составлении Александра Филиппова включает в себя работы «Парламент и правительство в новой Германии». «Политика как призвание и профессия» и «Основные социологические понятия».

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-386-09856-8

© Вебер М.
© РИПОЛ Классик

Содержание

А. Ф. Филиппов	7
I	7
II	10
III	17
IV	19
V	23
VI	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Макс Вебер

Власть и политика

- © Скуратов Б. М., перевод на русский язык, 2017
- © Филиппов А. Ф., перевод на русский язык, 2017
- © Филиппов А. Ф., вступительная статья, 2017
- © Дмитриев Т. А., комментарии, 2017
- © ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

А. Ф. Филиппов

Социология и проклятие политического

I

Макс Вебер – один из самых знаменитых классиков социологии. Даже те, кто далек от нее, скорее всего слышали о «протестантской хозяйственной этике», «легитимности» и «харизме», «рациональной бюрократии» и «свободе от ценностей». Эти и многие другие понятия до сих пор широко используются в социальных науках. Из социологии они переходят в мир повседневности, к преподавателям и журналистам, к образованной публике, осведомленной по меньшей мере о некоторых концепциях, авторство которых принято приписывать Веберу. Быть может, самый большой публичный успех ученого состоит именно в том, что его идеи начинают казаться банальными. Конечно, специалисты знают, что пик интереса к Веберу в самой науке уже миновал, хотя и совсем недавно. В последней четверти прошлого века шло оживленное обсуждение «ренессанса классиков» в социологии; история науки должна была сыграть важную роль в ее теоретическом обновлении. Сочинения Вебера перечитывались заново не с точки зрения *образования*, а для того, чтобы дать новый старт *научным исследованиям*, потерявшим в то время, как казалось многим, правильный курс. Старые работы Вебера были переизданы в составе полного, критического собрания сочинений, в свет выходили все новые научные труды о Вебере и проводились конференции. Отзвуки этого повышенного внимания различимы до сих пор. Хотя прорыва не произошло и мировая социология не обновилась, уровень освоения текстов Вебера заметно вырос. Влияние «веберовского ренессанса» будет ощущаться еще долгие годы. Однако наука не может стоять на месте, даже если время от времени возвращается к истокам. Заново прочитанный Вебер не быстро, но все же становится в наши дни в первую очередь автором, которого надо изучать в целях *образования* и в меньшей мере использовать в *текущих исследованиях*, если только они не носят историко-социологического характера. Другое дело – обратное влияние исследований на обучение профессии. Хорошее знание классики, не получая продолжения в исследовательской практике, становится родом «общего образования», необходимого базиса для усвоения более современных теорий и исследовательских техник. В этом смысле время для классики сейчас уже не лучшее, хотя и далеко не худшее.

Все это происходит не в первый раз. Изменения в социальной жизни делают классические работы то более, то менее актуальными, другое дело, что отказаться от них в принципе социология не может. Так она во всяком случае до сих пор была устроена. Несколько десятилетий назад английский исследователь Уильям Аутвейт сравнил социальные науки с бегуном на дорожке: после низкого старта – стремительное движение вперед, но недолгое; потом спортсмен возвращается и долго рассматривает стартовые колодки. Аутвейт имел в виду то внимание, которое в социологии уделяется вопросам обоснования знания и даже самой возможности этой дисциплины, т. е. вопросам скорее философским, нежели собственно научным. Но то же самое можно сказать и о постоянно возвращающемся интересе к классическим текстам, которые многим напоминают о философии. Если считать социологию обычной наукой, такой повышенный интерес к тому, что было написано около сотни лет назад, объяснить невозможно. Рано или поздно все некогда значительные научные тексты устаревают навсегда, а если этого не происходит, то, значит, и с наукой что-то не в порядке. Однако социология во многом не похожа на другие науки. Она не только не может, но и не должна соревноваться с ними. Характер ее главных вопросов в меньшей мере связан с *установлением* тех или иных фактов или с нахождением некоторых законов или регуляриностей, которые позволяют эти факты объяс-

нять и предсказывать. Гораздо важнее *осмысление* фактов, т. е. выяснение того, что они означают. Вот почему вновь и вновь идут эти споры: одни социологи говорят, что без философии не обойтись, а другие именно философские рассуждения (или такие аргументы, которые не искусственному в философии читателю кажутся философскими) считают главной слабостью, не позволяющей социологии стать полноценной наукой. Несмотря на все философское значение текстов Вебера, которое было осознано уже его современниками (впрочем, далеко не сразу и не единодушно), надо иметь в виду, что он, подобно другим классикам, хотел утвердить социологию как самостоятельную науку, пусть и отличающуюся от наук о природе, но все же отвечающую общим критериям научности. Он настаивал на том, что полученные им результаты могут быть перепроверены, подвергнуты критике и, рано или поздно, будут преодолены. Так устроена любая наука. Но в социологии с текстами Вебера этого не произошло, несмотря на развитие научного знания в тех областях, которыми он занимался, и несмотря на критику, которой его подвергали практически непрерывно, с того самого времени, как появились его первые публикации. Дело, конечно, не только в философской основательности текстов. «Качество», «фундаментальный характер», «изошренность» – это все правильные слова, но совершенно недостаточные. Есть более важный момент.

Социология возникла (это стало уже общим местом) как ответ на появление модерна или как один из проектов модерна, способ, каким социальная реальность последних веков рефлексирует, оборачивается на себя самое, в себе самой производит знание о себе как о чем-то не вполне очевидном, нуждающемся в сопоставлениях и обоснованиях¹. Если бы общество модерна оставалось неизменным в своих главных чертах, социология могла бы походить на другие науки со всеми их достоинствами и недостатками. Объект исследования оставался бы, в основном, постоянным и только познание его продвигалось, происходили бы открытия или научные революции, кто знает. Если бы общество модерна осталось в прошлом, то радикально сменилась бы и основная форма знания общества о себе самом, как бы она ни называлась, она стала бы другой. Социология никогда не была единственной в своем роде, но сейчас ее конкуренция с другими формами знания обострилась. Атаки на социологию часто обосновываются именно так: не только познание идет вперед, но и социальная жизнь уже мало чем напоминает общества XIX – начала XX в. Однако, возможно, с социальной жизнью происходит нечто иное, на что и указывали социологи, предпочитавшие не соблазняться идеей постмодерна и предлагавшие понятия *иного* модерна, *высокого*, или *позднего*. Модерн не исчезает, но преобразуется, знание о нем, полученное 100 и более лет назад, частично устаревает, но не вовсе архаизируется, социология теряет позиции в обществе, но не исчезает и не перестает основываться на классиках, по крайней мере в том, что касается ее основополагающих вопросов. Однако читать и понимать классиков трудно. На этом мы сейчас и остановимся.

Снижение интереса к классикам является, помимо прочего, одним из следствий общего упадка академической культуры. Требуемые от читателя подчас огромного напряжения научные тексты Вебера оказываются непосильными для многих социальных ученых. У него берут (если вообще берут) самое ясное и, казалось бы, простое, чтобы потом отказаться от его схем в пользу других, еще более простых и непродуктивных. Нет ничего проще, чем приписать Веберу (неважно, соглашаясь или споря с ним) утверждения вроде того, что капитализм родился благодаря протестантской этике, харизма – это безоглядная любовь к вождю, а бюрократ рационален. В них не будет полной неправды, но только такая правда хуже всякой лжи. Научное выска-

¹ Это не совсем то же самое, что идея «рефлексивной модернизации», той новейшей ситуации, когда общество модерна сталкивается со своими собственными последствиями и вынуждено на них реагировать. См.: Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. Beck U., Bonss W., Lau C. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme, in: Theory, Culture & Society. April 2003. Vol. 20. P. 1–33. К сожалению, эта амбициозная программа в целом не имела значительных последствий.

звание не существует вне теоретического и исторического контекста, тонкости и оговорки иногда сильно меняют смысл центрального утверждения, а исторический материал, который должен был бы подтверждать тезис, может со временем превратиться в лучшем случае в его иллюстрацию. Вебер, отличавшийся стремлением к точности и доказательности, труден для адекватного понимания и интерпретации, в частности потому, что приходится учитывать все эти аспекты. Этим сложности, однако, не ограничиваются.

II

Воспитанный в лучших традициях немецкого гуманитарного образования, Вебер обладал большим риторическим даром. Он был прекрасным оратором и публицистом, мог высказываться очень доходчиво, в расчете на широкую образованную публику. Но его теоретико-методологические сочинения трудны как в отношении содержания, так и по стилю: длинные фразы, множество оговорок и пояснений, сноски и примечания, которые иногда разрастаются настолько, что читатель рискует забыть основной текст. Все это, хотя и не было, возможно, осознанной стратегией усложнения², разумеется, не случайно. Вебер шел через проблематику и аргументы разных наук, обосновывая новую.

По образованию Вебер был юристом, специалистом по истории торгового права; с преподавания этого предмета началась и его университетская деятельность, сначала внештатная (в качестве приват-доцента и экстраординарного профессора). Вскоре произошел крутой поворот, и в дальнейшем его позиции ординарного, т. е. штатного, профессора в университетах были по преимуществу связаны с *национальной экономией*³. Последняя в его жизни кафедра в Мюнхене – это должность ординарного профессора национальной экономики, истории хозяйства и наук об обществе, а предпоследняя – в Вене, где он был профессором политической экономики. Различия между политической экономией, национальной экономией и социальной экономикой, речь о которой еще впереди, имели значение, но в общем они не настолько велики, чтобы обсуждать их здесь подробно. В наши дни социологи, экономисты, юристы и историки принадлежат к разным научным цехам, между ними лишь редко возникают взаимный интерес, пересечения и диалоги. Во времена Вебера дела обстояли иначе, экономическая наука и социология только формировались, причем экономисты продвинулись на этом пути намного дальше. На становление Вебера как ученого сильно повлияли дискуссии, которые шли между экономистами австрийской школы и представителями немецкой исторической школы национальной экономики. Австриец Карл Менгер считал, что экономическую науку надо строить как строгую общую теорию, а Густав Шмоллер, его непримиримый противник, доказывал, что изучать надо не общие законы экономической жизни, а то устройство хозяйства, которое складывается по-разному в исторической действительности. Это имело большое значение для молодого Вебера, в теоретических вопросах склонявшегося во многом к позициям Менгера и его коллег, но слишком хорошо понимавшего продуктивность и специфику исторического познания, чтобы принимать классический теоретический подход не критически. Сильно упрощая, можно сказать, что для экономистов теоретиков того времени люди всегда одинаковы (готовность учитывать историческую специфику в общем не имела последствий для теории), а для экономистов-историков никаких неизменных мотивов у людей не существует, историческая действительность нуждается в эмпирическом изучении, а не в надуманных схемах. В значительной мере именно из размышлений о резонах каждой из сторон в этом споре выросла та

² Скорее речь идет об отказе от красот стиля, которые эстетически воздействуют на читателя. Аскетическая рациональность требует и аскетичного способа выражения. См. более подробно: *Lepinies W. Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. München: Hanser, 1985. S. 295, 297.* См. также недавнее свидетельство Герхарда Вагнера, относящееся, правда, к методологическим работам: «Сочинения Вебера по наукоучению считаются одними из самых трудных текстов в истории науки. В немалой мере это связано с их стилем» (*Wagner G. Der lange Schatten des Syllogismus // Sociologia Internationalis. Bd. 52. 2014. Hft 2. S. 243*). Это удивительным образом перекликается с тем, как сам Вебер критиковал за плохой стиль и нагромождение конструкций одного из своих предшественников, Карла Кнуса, о котором речь еще пойдет ниже. Во всяком случае, читателю надо быть готовым к резкому перепаду сложности между публицистическими и методологическими сочинениями Вебера.

³ Первые годы он так или иначе вынужден был преподавать и юридические дисциплины, с 1897 г. Вебер смог переключиться только на национальную экономику. См.: *Käsler D. Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn. München: C. H. Beck, 2014. S. 290.*

методология Макса Вебера, понимание которой имеет значение для правильного чтения его позднейших сочинений, в том числе и политических. Лишь постепенно Вебер пришел к тому, что наука, которой он занимается, – социология. Ее обоснование, разработка ее основных категорий, в том числе и понятия власти, оказались делом не только очень сложным, но и таким, которому предшествовала большая предварительная работа.

Идейную эволюцию Вебера можно очень условно (он много болел, и некоторые годы были вообще потеряны для науки и преподавания) разделить на три десятилетия⁴. С 1894 г., когда он стал профессором национальной экономики, и до конца 90-х гг. Вебер – прежде всего историк и экономист. Правда, у него есть исследования, которые мы бы отнесли сейчас к прикладной социологии. Материалы его лекционных курсов по теоретической национальной экономике лишь сравнительно недавно опубликованы в составе полного собрания сочинений, но пока что обращают на себя внимание только узких специалистов. Вот что пишут об этой стороне деятельности ученого его публикаторы: «Макс Вебер интенсивно занимался самыми главными, ключевыми текстами [австрийской школы. – А. Ф.]. Принадлежавший ему экземпляр книги Менгера „Исследования о методе социальных наук“... испещрен пометками на полях, как одобрительными, так и критическими, сделанными его рукой... В лекциях Вебер также обращался к книге Карла Менгера „Принципы учения о народном хозяйстве“, хотя и не цитировал ее дословно... Значение Карла Менгера для научного развития Макса Вебера стало в полном объеме понятно лишь недавно, хотя до сих пор можно спорить о том, насколько велико значение Менгера для позднейшей социологии Вебера»⁵. Речь идет о соотношении истории и теории. История, в соответствии с заветом великого Леопольда фон Ранке, должна исследовать, «как это было в действительности». Теория устанавливает закон, имеющий силу для целого класса возможных событий. Вебер, доказывают немецкие исследователи Михаэль Зукале и Герхард Вагнер, считал, что каузальное рассмотрение социальных событий строится как силлогизм: есть большая посылка – это закон, есть меньшая – конкретные условия, наступающие в определенный момент, и есть вывод – само единичное событие⁶, которое обусловлено двумя родами причин: теми, которые описаны общим законом, и теми, которые заключены в конкретных условиях его совершения. *Экономическая теория* строится на предположении о сконструированном «хозяйственном субъекте», который представляет собой нечто вроде идеальной математической фигуры, что-то совершенно нереалистическое, но вполне пригодное для научной работы⁷. Казалось бы, радикальной несовместимости между историей и теорией нет. Но Вебер понимал, что теоретический подход классического австрийского маржинализма и позиции исторической школы нельзя просто развести, так сказать, по разным углам, признав за каждой ограниченную правоту. Если перенести в теорию, даже самую абстрактную, характеристики современного западного человека, отождествив, таким образом, современную экономику с экономикой вообще, это повлечет за собой искаженное представление об экономике и социальной жизни прошлого. Нет и убедительной теории, в которой можно было бы найти место для самых разнообразных мотивов экономической деятельности человека в разные времена и в разных культурных условиях. До конца определиться с этим Вебер в 90-е гг., видимо,

⁴ О том, насколько спорным может считаться такое членение, еще будет сказано ниже.

⁵ Einleitung, in: *Weber M. Allgemeine («theoretische») Nationalökonomie: Vorlesungen 1894–1898 / Hrsgg. v. Mommsen W. J. in Zusammenarbeit mit Judenau C., Nau H. H., Scharfen K., Tiefel K. Tübingen: Mohr (Siebeck), 2009. S. 24 f.* Далее здесь оспаривается известная точка зрения Й. Шумпетера, что Вебер вообще не был экономистом и плохо разбирался в новейших теориях.

⁶ Это понимание Вебер перенял у Вильгельма Виндельбанда; его ректорская речь 1894 г. была важнейшим источником методологических построений Вебера. См.: *Wagner G. Op. cit. S. 224 f.* Вагнер ссылается на более раннюю статью: *Sukale M. Max Weber. Leidenschaft und Disziplin. Tübingen: Mohr (Siebeck), 2002. S. 224.* См. также первоисточник: *Windelband W. Präludien. 5. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1915. S. 158.*

⁷ См.: Einleitung, in: *Weber M. Allgemeine («theoretische») Nationalökonomie: Vorlesungen 1894–1898. Op. cit. S. 26* и ссылка на текст самого Вебера: S. 120.

не успел, критика ключевых фигур исторической школы приходится на следующее десятилетие. Этот период начинается примерно в 1902–1903 гг.

В 1903 г. Вебер опубликовал первую часть обширной методологической статьи «Рошер и Книс и проблемы теоретической национальной экономики». Вильгельм Рошер, один из крупнейших представителей немецкой исторической школы, для объяснения конкретных исторических событий и феноменов старался искать *универсальные* связи, создавая, так сказать, «всеобщую теорию всего». Этот универсалистский подход, напомилавший гегелевский, Вебер считал неправильным и непродуктивным. У Карла Книса, другого патриарха исторической школы, один из курсов которого Вебер слушал студентом (а впоследствии, кстати говоря, занимал в Гейдельберге кафедру, которую незадолго до этого оставил Книс), он перенял – и специально подчеркивал это – точку зрения, что «науки, в которых человеческое „действие“ исключительно или по преимуществу образует субстрат исследования, внутренне взаимосвязаны»⁸. Собственно, Вебер так или иначе занимается именно «науками о действии»; вот почему специфика и логика этих наук представляют для него такую важность. Книс, как считал Вебер, не разобрался, однако, в проблеме *иррациональности* человеческого поведения. В абстрактной теоретической национальной экономике игнорировались все неэкономические мотивы, человек считался всецело эгоистичным, всезнающим и стремящимся только рационально подобрать наилучшие средства для достижения цели⁹. Поскольку это однородные мотивы и способы выбора действий любого мыслимого действующего, постольку возможно их идеальное теоретическое представление. Но если признать, что человек обладает свободой воли, что у него могут быть самые разные мотивы и в общем никогда нельзя быть полностью уверенным в том, как он поступит, тогда, как считал Книс, законы, которым подчиняются события мира природы, невозможны в мире человеческих действий. Значит, экономисты ошибаются, конструируя поведение человека в виде, как мы бы сейчас сказали, «рационального выбора» и всех описывающих его законов. Такова была позиция не одного только Книса, тем более нужно было внести здесь ясность. Точка зрения Вебера, если очистить ее от многочисленных уточнений и оговорок, заключается в том, что в области природных событий для нас непонятного, иррационального куда больше, чем в поведении людей. Действительно, если мы знаем общий закон, но не знаем конкретных обстоятельств, естественное, законосообразное событие будет для нас понятным лишь в общем, но не в деталях, выяснить которые (например, при падении скалы и разлете ее осколков) просто невозможно. «Силлогизм» (см. выше) построить будет невозможно. Напротив, в делах человеческих мы то и дело сталкиваемся с ситуациями прямо противоположного толка. Конечно, и действия людей, подобно естественным событиям, могут быть для нас «объяснимыми» («*begreif ich*»), поскольку подпадают под общие законы. Но гораздо важнее другое: они «*понятны*», не просто совместимы с нашим знанием общих законов (номологическое знание, как его называли в то время), но и могут быть доступны сопереживанию, т. е. *пониманию* (*Verstehen*) конкретного мотива или комплекса мотивов. «Иными словами: индивидуальное действие, из-за того, что оно поддается осмысленному истолкованию – насколько его достает, – в принципе, специфическим образом менее „иррационально“, чем индивидуальный природный процесс»¹⁰. Повторим, вслед за Вебером, еще и еще раз: допустим, отвалился и раскололся кусок скалы; объяснить, отчего именно так, а не иначе, лег один из осколков, скорее всего не получится, хотя ничего противного законам природы в этом нет, но и знание всех условий мало достижимо. Сравним это с человеческими действиями по приказу, по долгу службы, из корысти. Нам понятны действия, хотя «залезть в душу» человеку мы не можем, да это и не требуется. Понимание мотива – это ограниченное

⁸ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1921. S. 46 f.

⁹ Weber M. Allgemeine («theoretische») Nationalökonomie: Vorlesungen 1894–1898. Op. cit. S. 123.

¹⁰ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 67.

сопереживание, его достаточно для предсказания того, что мы можем наблюдать. А значит, мы можем, понимая, объяснить.

Понимание историко-культурных феноменов происходит в русле *науки о культуре*. В 1904 г. Вебер начал издавать вместе с друзьями журнал «Архив социальной науки и социальной политики», в котором опубликована большая часть его методологических работ и сочинений о хозяйственной этике. Национальную экономию Вебер теперь тоже считал *наукой о культуре*, определяя ее область исследования как «общее культурное значение социально-экономической структуры совместной жизни людей и исторических форм ее организации»¹¹. Сюда же он относил и «социальную науку», первоначально избегая слова «социология». Для этого были множественные резоны, мы укажем лишь на один из них, попутно прояснив некоторые термины и более сложные вопросы.

В методологических исследованиях этого времени Вебер ориентировался на так называемое юго-западное немецкое неокантианство. В ректорской речи знаменитого философа, основателя школы Вильгельма Виндельбанда в 1894 г., о которой речь уже шла выше, была сформулирована программа разделения естественных и исторических наук: «Принцип разделения заключен в формальном характере их целей познания. Одни ищут всеобщие законы, другие – особенные исторические факты: на языке формальной логики, цель одних – это всеобщее аподиктическое суждение, цель других – сингулярное ассерторическое положение... Итак, мы можем сказать, что эмпирические науки ищут в познании действительности либо всеобщее в форме естественного закона, либо отдельное в исторически определенном виде...»¹². Генрих Риккерт развил этот подход, более глубоко исследовал его принципы. Вебер прекрасно знал один из важнейших трудов Генриха Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий» (эта книга выходила в двух частях, и вторая появилась незадолго до того, как Вебер принялся за издание «Архива»), он ссылаясь на нее в своих работах, хвалил в переписке, а в начале статьи «Рошер и Книс» даже утверждал, что хочет испытать на деле применимость рассуждений Риккерта к учению о методе¹³. Поскольку естественные науки идут путем обобщения и отсекают индивидуальное, в том числе уникальную историческую каузальность, Риккерт считал, что социология, как наука, которая занимается поиском общих законов, это, с точки зрения метода, *наука о природе* и никогда не заменит исторические науки, которые исследуют действительность с точки зрения *культурного значения*. «Ведь культурное значение объекта, т. е. его понятная ценность и смысл, носителем которого он является, основывается, коль скоро речь идет о *целом*, не на том, что является общим для него и для другой действительности, но именно на том, что отличает его от других, а потому и действительность, которую мы рассматриваем в аспекте ее отношения к ценностям культуры как их реального носителя, тоже должна быть рассмотрена с точки зрения особенного и индивидуального»¹⁴. Подобным же образом и Вебер писал в это время, что науки о культуре «изучают процессы человеческих действий с точки зрения их культурного значения»¹⁵, однако он не был готов ограничивать это значение только или даже по преимуществу тем, что уникально и индивидуально¹⁶. В исторической дей-

¹¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 164.

¹² Windelband W. Präludien. 5. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1915. S. 145.

¹³ См.: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Op. cit. S. 7. Fn 1. Правда, в некоторых важных пунктах он уже тогда не примыкал к Риккертю безоговорочно, а позже, в частности, по вопросу об историческом характере ценностей, занимал позицию, которая была для Риккерта совершенно неприемлема.

¹⁴ Rickert H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 6.-7. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1926. S. 79.

¹⁵ Weber M. Op. cit. Ibidem.

¹⁶ Есть важное отличие между тем, что уникально само по себе, и тем, что ценно как уникальное, о чем, собственно, и писал Риккерт. Но останавливаться здесь на этом мы не можем, тема достаточно хорошо изучена в истории философии и социологии. Отметим лишь значение работ еще одного представителя той же школы неокантианства, Эмиля Ласка. Именно Ласку, утверждает Вольфганг Шлуктер, Вебер обязан пониманием того, что теоретическая и историческая национальная экономика обе основываются на «критическом и конструктивном рационализме Канта» и только преследуют разные цели познания. Они

ствительности уникальное, неповторимое и регулярное, повторяющееся переплетены, так что более продуктивной может оказаться комбинация разных методов в рамках одной науки. В чем заключалась для него как ученого притягательность этого методологического разделения? Дело в том, что интерес историка к действующим, мыслящим, чувствующим людям и утверждения экономиста о безличных всеобщих законах, подобных законам естествознания, оставляли, как мы видели, мало пространства для компромисса. Историк мог признать, например, что в развитии экономики наступает такой этап, когда люди оказываются по преимуществу эгоистичными и рациональными участниками рынка. Вебер и сам отдал дань такому аргументу, когда говорил в конце «Протестантской этики», что в сложившейся капиталистической экономике, ставшей «огромным хозяйственным космосом», старые этические мотивы, поиск шансов на спасение не играют прежней роли. Появление капитализма обусловлено *также и* культурой, но мотивы, которые играли роль при его становлении, не те же самые, которые играют роль при его функционировании. Однако здесь есть опасность перестать видеть в уже сложившемся капитализме культурный феномен, раз уж его функционирование подчиняется абстрактным всеобщим закономерностям. А если мы не видим культурный феномен, нам достаточно зафиксировать общие регулярности и связи, не вдаваясь в понимание смысла. Впрочем, если всеобщие закономерности получили при капитализме наиболее явственное выражение, то не значило ли это, что мотивы и связи такого рода *естественны*, а значит, на самом-то деле могут быть обнаружены во все эпохи, у всех народов, хотя и в особом виде? Это предположение могло иметь далеко идущие последствия уже для самого исторического исследования, потому что позволяло пользоваться при описании разных эпох и стран одними и теми же понятиями, пусть и снабженными уточнениями. Когда Вебер говорит о специфике западного капитализма, он сравнивает его не просто с другими хозяйственными укладами, но и с другими формами капитализма. Он находит общее, но привлекает внимание к уникальному. Обращаясь к прошлому, можно найти, что и там действуют некоторые всеобщие закономерности. Обращаясь к настоящему, можно видеть его историческую обусловленность и культурное значение. Таким образом, науки о действии оказываются внутренне консистентными, пусть не едиными и не универсальными, и, возможно, в этом аспекте «науки о культуре», «социальная экономика», «социология» не так уж сильно различаются между собой у Вебера.

Вольфганг Шлукхтер настаивает, что «Вебер долго не решался назвать свой подход социологическим, боясь, что его неправильно поймут: будто бы он собирается преодолевать необходимую *односторонность* в анализе действительности культуры путем создания *всеобщей* социальной науки. Уже в силу логических резонов он считал это невозможным и первоначально отчетливо высказывался за плодотворность социально-экономического анализа»¹⁷. Шлукхтер говорит, что Вебер параллельно пишет работы об экономической обусловленности социальных и культурных процессов и работы о влиянии идей на социальную и экономическую действительность.

«Экономическая обусловленность» означает действенность факторов, устанавливаемых теоретической национальной экономией. «Влияние идей» – действенность факторов, вскрываемых в историческом исследовании науками о культуре, даже если они ориентированы на познание современности. Фактически Вебер уже довольно рано обосновывал то, что сам же стал позже называть понимающей социологией. Конечно, это далеко не единственная возможная интерпретация идейной эволюции Вебера, как и всей его научной деятельности. Заслуживает отдельного упоминания точка зрения Вильгельма Хенниса: «Дело обстоит вовсе не так, что линия жизни Вебера идет прямо: сначала юрист, потом специалист по националь-

равно возможны и необходимы, потому что «как люди культуры мы всегда испытываем интерес не только к всеобщему, к законам, но также и к индивидуальному, к тому в явлении, что стало именно таким, а не другим» (Schluchter W. *Handlung, Ordnung und Kultur. Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber*. Tübingen: Mohr (Siebeck), 2005. S. 15).

¹⁷ Schluchter W. *Handlung, Ordnung und Kultur*. Op. cit. S. 43.

ной экономии и наукам о культуре и, наконец, отец-основатель понимающей социологии»¹⁸. Хеннис считает, что Вебер намеренно ограничил область своих поздних исследований экономической социологией, потому что в это время его занимал совершенно конкретный исторический вопрос: как возник современный западный рациональный, ориентированный на рентабельность капитализм, а не общие вопросы экономической или социологической теории.

Споры такого рода никогда не завершаются. Дело не только в Вебере, дело в понимании сегодняшних задач социологии, которое позволяет (или не позволяет) относить к ней те или иные сочинения. Нам важно лишь иметь в виду, что взгляды на одни и те же тексты могут быть совершенно различными. В нашем сборнике помещена работа «Основные социологические понятия» – первая глава книги «Хозяйство и общество». Даже краткое изложение ее истории показывает всю сложность правильного ее размещения в контексте трудов Вебера. Первоначально запланированный издательством еще в 1910 г. многотомный опус под редакцией Вебера должен был называться «Handbuch der politischen Oekonomie» («Руководство по политической экономии»); свой раздел Вебер собирался назвать «Социология», причем имел в виду «завершенную социологическую теорию в полном изложении»¹⁹. При жизни Вебера он не вышел и был далек от готовности для публикации. Большой посмертно изданный том «Хозяйство и общество»²⁰ вводил и продолжает вводить в заблуждение читателей, которые не придают значения издательским решениям, будучи уверенными в том, что *сам текст* все равно остается тем же. Но знаменитая книга состоит из сравнительно небольшой и достаточно цельной, хотя и не завершенной первой части, которая была написана Вебером в самый последний период жизни (она открывается главой «Основные социологические понятия»), а также большого объема куда более ранних глав, которые современные издатели Вебера считают первоначальной версией книги²¹. Вебер не просто написал начальные главы в последнюю очередь, он начал заново писать всю книгу, отчего у читателя возникает то ощущение повтора (так, например, в первом полутоме есть глава «Типы господства», а во втором – «Социология господства»), то недоумение насчет основного категориального аппарата (о чем еще немного будет сказано ниже). Конечно, всякий раз – за исключением отдельных случаев вторжения издателя в самую плоть текста – это все равно *тот же самый Вебер*. Однако, осмысливая его концепцию власти, мы сталкиваемся, как теперь видно, не только с тем, что Вебер лишь постепенно пришел к отчетливо социологической постановке вопроса и основным понятиям социологии, но и с эволюцией его подхода к самим этим понятиям. Кроме того, он практически одновременно писал теоретико-социологические работы, тексты по исторической социологии

¹⁸ Hennis W. «Die volle Nüchternheit des Urteils». Max Weber zwischen Carl Menger und Gustav von Schmoller. Zum hochschulpolitischen Hintergrund des Wertfreiheitspostulats, in: Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik / Hrsgg.v. Wagner G., Ziprian H. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1994. S. 108.

¹⁹ См.: Schluchter W. Op. cit. S. 229, 225. В статье 1913 г. «О некоторых категориях понимающей социологии» социальную экономику и социологию Вебер называл близкими дисциплинами, разделяющими некоторые важные предпосылки (См.: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Op. cit. S. 428.), однако тем более важно, что сам он в это время решительно определяет свои исследования как социологические.

²⁰ Первые издания (1-е, вышедшее через год после смерти Вебера, 2-е издание 1925 г. и 3-е, повторяющее 2-е, издание 1947 г.) были сделаны Марианной Вебер на основе рукописей с помощью учеников Вебера. После Второй мировой войны Й. Винкельман продолжил работу, нашедшую завершение в пятом издании, которым пользовались и пользуются по всему миру по сей день, несмотря на выход полного собрания сочинений, в котором тексты организованы по-другому. См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Revidierte Aufl. / Besorgt v. J. Winkelmann. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1972. На это издание (в переиздании 1985 г.) даны ссылки ниже в данной статье. Винкельман проделал большую работу, но не все ее результаты считаются положительными. Одним из недостатков издания Винкельмана является включение в текст «Хозяйства и общества» фрагментов других, опубликованных работ Вебера. Так, например, произошло и с фрагментами доклада о Политике и статьи «Парламент и правительство в новой Германии».

²¹ Еще четверть века назад В. Шлукхтер доказал, что в работе Вебера над корпусом текстов, известных нам как «Хозяйство и общество», можно выделить три фазы, причем первая и вторая разделены между собой не очень четко, а вот третья вполне обособлена; ее результат – «внутренне когерентный и самостоятельный по отношению к результатам других фаз работы» (Schluchter W. Religion und Lebensführung. Bd. 2. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1991. S. 633). «Основные социологические понятия» – это как раз беспорядочный результат «третьей фазы».

и социальной экономике, политические работы более научного содержания и публицистику. Поскольку посмертные издания, за исключением новейшего полного собрания сочинений, широко используются, все это сильно затрудняет чтение, а попытки вычленить отдельные путеводные нити, основные интриги в его аргументах, не могут не грешить односторонностью. И все-таки мы исходим из того, что многие важные идеи, содержащиеся в его политических работах, можно понять, только если обратиться к теоретической социологии и хотя бы отчасти разобраться в том, что такое для него понимание.

III

Именно понимание особого рода – *истолковывающее* – отсутствовало в программе наук о культуре Риккерта. Из современников Вебера ближе всего к адекватной трактовке понимания подошел, видимо, Георг Зиммель во втором издании своей книги «Проблемы философии истории»²². Несмотря на то что позже Вебер во многом не соглашался с Зиммелем²³, он признавал его большой вклад в формирование той специфической версии социологии, которая у самого Вебера выросла из общей проблематики национальной экономики, наук о действии и наук о культуре. Зиммель показал возможность непсихологической трактовки понимания, его рассуждения имели силу и для истории, и для социологии. Вебер связал «истолковывающее понимание» с методологией идеальных типов и соединил понимание и объяснение, что во многом обусловило продуктивность его работы как социолога.

Истолковывающее понимание, о котором Вебер говорит, определяя задачи социологии, в «Основных социологических понятиях», предполагает, конечно, «актуальное понимание», или, возможно, сопереживание тому, что, как нам кажется, движет людьми, действия которых мы хотим объяснить. Но истолкование означает не углубление в их психическую жизнь, не вчувствование, а исследование *смысла* совершаемых ими действий. Как это возможно? О методе понимающей социологии написано очень много, а между тем мы не можем сказать, что существует набор методических предписаний, следование которым обеспечит нам успех, сопоставимый с научными результатами Вебера. Напротив, интерпретации, критика, переосмысление веберовского подхода служат, кажется, дурную службу тем, кто хотел бы почерпнуть у классика внятные инструкции. Есть, однако, несколько важных моментов, уяснение которых именно по Веберу позволяет, так сказать, зайти на территорию понимающей (или интерпретативной, как ее любят называть в англоязычных странах) социологии, чтобы там уже принимать собственные решения, основываясь на богатом опыте предшественников и обширной критической литературе. Итак, прежде всего – повторим еще раз – речь идет о понимании смысла действий, а не о понимании действующего. Разница здесь огромная. Понять человека значит разобраться в его душевной жизни. Понять смысл действия – значит разобраться в одном из ее событий, имеющих, как правило, некоторое внешнее продолжение. Мы понимаем смысл действия и предполагаем, что действующий связывал со своим поведением примерно такой же смысл. Иначе говоря, мы исходим из того, что поведение может быть осмысленным и неосмысленным (например, как говорит Вебер, чисто реактивным и почти автоматическим). Но если с ним связан субъективный смысл, оно становится действием. Почему речь идет о *субъективном* смысле? Потому что *объективный смысл* – это нечто совсем иное. Если автомобилист нарушит правила, не заметив сигнала светофора, по объективному смыслу его действие будет нарушением, а по субъективному, пока он не понял, что натворил, не будет. Но если автомобилист сознательно нарушает правила, например, торопясь или демонстративно, его действие будет иметь соответствующий субъективный смысл. Ближайшее пояснение напрашивается само собой: Вебер как юрист знал, что такое *вменение намерения*. Одно и то же преступление, совершенное намеренно или по ошибке, заслуживает разного наказания. Объективный и субъективный смыслы могут решительно не совпадать и в других случаях, не имеющих криминальной окраски. Например, намерение добиться результата не перестает быть рациональным, даже если в основу конкретных действий положены объективно ошибочные

²² См.: *Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnistheoretische Studie. Zweite, völlig veränderte Auflage. Leipzig: Duncker & Humblot, 1905.*

²³ В самом сжатом виде эта критика представлена в «Основных социологических понятиях», она, конечно, требует подробного анализа.

данные, делающие для сведущего наблюдателя весь процесс решения и планирования бессмысленным. Но социология, говорит Вебер, – не нормативная наука, она не станет объявлять действие бессмысленным, если оно противоречит объективному смыслу или достигает на деле иных результатов, чем те, что поставил себе целью действующий. Поэтому мы должны понять именно субъективный смысл, т. е. тот мотив, который действие имело для действующего. Это позволит нам соединить понимание с объяснением, потому что мотив действия – это его субъективная причина, а как ученые мы должны находить именно каузальные отношения. Таким образом, получается, что никакого противоречия между пониманием и объяснением, между науками о культуре и науками о природе нет. Они все подпадают под общее, рациональное понимание научности. Однако у социологии есть своя специфика, тем более примечательная, что социология готова изучать повторяющиеся события, регулярности. Но статистически исчисляемыми регулярностями не исчерпывается релевантное для социологии знание. Статистика позволяет нам (тем лучше, чем более полны данные) либо с полной уверенностью, либо с большой вероятностью предсказать, каковы будут действия людей, даже не вникая в их субъективный смысл. Но социология заинтересована в *понимании* субъективного смысла. Субъективный смысл и есть то важное, интересное, значительное, а не просто помогающее установить регулярности и предсказать события, что отличает социологию от наук, которые строятся по типу наук о природе, хотя и занимаются исследованиями социальной жизни. Именно поэтому в рамках большого проекта по социальной экономике, в собственно социологическом его разделе, появляются не только «основные социологические понятия» (так, мы помним, называется первая глава «Хозяйства и общества»), но и «основные социологические категории хозяйствования» (т. е. экономика, рассмотренная с социологической точки зрения; так называется вторая глава этой книги). Социологов занимает собственное понимание действующими того, что они делают, будь то в экономике, в науке, в церкви, в государственных учреждениях и т. п. Здесь есть трудность и соблазн, о которых надо сказать особо.

IV

Вебер, как мы видели, считал, что свобода воли и многообразные факторы, определяющие мотивы человеческого поведения, вовсе не делают его непредсказуемым. Совсем наоборот: куда в точности ляжет тот или иной кусок расколовшейся скалы, сказать более трудно, чем то, что сделает получивший приказ подчиненный, особенно если это нижестоящий чиновник в бюрократическом институте или солдат. Конечно, в принципе неповиновение возможно и здесь, мало того, только возможность неповиновения и делает его событием в человеческом мире. Поясним это на знакомом примере. Если бы кусок скалы вообще не упал, а полетел ввысь, вопреки законам природы, это было бы чудом, и наука такого не допускает; а вот если подчиненный не выполняет приказ, это хоть и редкость, но ничего чудесного здесь нет, на то могут быть свои причины, не выходящие за пределы возможной человеческой мотивации. Нарушение законов службы возможно, в отличие от нарушения законов природы. В чем же здесь разница? Законы человеческого мира, если они понимаются как нормы, как предписания, недостаточно говорят нам о действительности. Поэтому, называя социологию, как и историю, наукой о действительности, Вебер, в противоположность юристам и ориентированным на юридическое понимание нормы социологам своего времени, не сводил ее содержание к изучению предписаний. Предписания должны стать реальными действиями, нормы должны быть не просто «значимыми», как говорили неокантианцы, но претворенными в жизнь теми, кто действует и *осмысливает* свое поведение. Если они этого не сделают, в самых надежных устройствах социальной жизни начнутся сбои.

Итак, есть не столько даже научное, сколько вполне житейское, многократно подтверждаемое соображение: на людей можно полагаться, можно довольно точно знать, как они станут действовать. Но есть и другое соображение, не менее достоверно подтверждаемое опытом: люди время от времени могут нарушить приказ, поступить против правил, забыть об обычаях, сделать выбор вопреки всем рациональным соображениям. Они и более, и менее предсказуемы, чем природные события. Нет ли здесь непродуктивного противоречия? Не запутались ли мы, вслед за Вебером, в сложных материях? Попробуем разобраться! События природы и природная каузальность, конечно, носят всеобщий характер, в этом Вебер не сомневался, как и любой ученый его поколения. Из этого следует, однако, лишь то, что события человеческого мира, действия, включены в некую всеобщую мировую связь. В критике Рошера Вебер как раз и показал, что никакого резона идти в этом направлении нет. Историческая, социальная реальность действий интересны нам не тем, что находятся в большой всеобщей космической связи²⁴, но тем, что составляет их культурное значение, т. е. тем, например, что это действия государственного служащего или покупателя на рынке. Предсказуемость действия – совсем не та, что предсказуемость природного события. Все тот же кусок скалы, отколовшийся при падении... Имеет ли для нас значение то, что он вообще-то упал, а не взлетел, как воздушный шар? Скорее всего, нет, настолько оно привычно и ожидаемо; а если все же имеет, то, значит, почему-либо это природное событие рассматривается как важное, с точки зрения его ценности, т. е. природное, как учили неокантианцы, становится культурным²⁵. Но вот что *действие человека* скорее предсказуемо и ожидаемо, хотя он может не подчиниться приказу, означает, что оно *понятно и объяснимо*. Благодаря пониманию мотива мы объясняем его протекание, причем

²⁴ Четверть века назад я специально озабочился тем, чтобы показать: Вебер говорит о «космосе» в совершенно ином смысле и вполне последовательно. «Космосами» он называет особые области порядка социальной жизни, вроде экономики, государства, научного знания и т. д. См.: *Филитов А. Ф.* Социология и космос: суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Выпуск 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. Перепечатано в кн.: *Филитов А. Ф.* Sociologia: Наблюдения, опыты, перспективы / Под ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2014.

²⁵ Мы это многократно видим, например, в поэтических описаниях явлений природы.

в его протекании нам важно знать, выполнен ли приказ, а не мельчайшие, случайные детали действия, делающие его, как и любое другое событие в мире, уникальным. И повторяющееся, и уникальное имеют культурное значение. Вы не поймете, отчего исторические события пошли так, а не иначе, если не примете в расчет, с одной стороны, закономерное, повторяющееся, роднящее их с другими событиями, а с другой – ту совокупность уникальных связей, которые привели к тому, что регулярность вдруг сломалась. История, социология и даже экономика в этом смысле не противоречат, не исключают, но предполагают друг друга.

Социология для Вебера – одна из эмпирических наук, которая оперирует понятиями, прямо соотносимыми с тем, что можно наблюдать, на что можно указать. Наблюдаемое она не подменяет общими понятиями, обязанными своим появлением логике других дисциплин, а уж если понятия приходится использовать, то лишь переинтерпретировав их в социологическом смысле. Например, для юриспруденции государство представляло собой вполне реальное образование, а для социологии это – только комплекс действий людей. В одной науке можно сказать, что «государство возлагает ответственность» или «ставит цели», а в другой – нет. Поэтому Вебера иногда называют социологическим номиналистом: «государство», «армия», «церковь», «нация» – *имена* особым образом организованных действий, и недаром первые определения в главе «Основные социологические понятия» выстроены так мучительно строго для читателя, которому Вебер вновь и вновь напоминает: социальные отношения, предприятия, союзы – все это имеет отношение к действиям, ничто не является «вещью». Но здесь-то и кроется та ловушка, о которой мы упомянули в конце прошлого раздела. Сделаем еще один круг, пройдемся еще раз по знакомым уже аргументам.

Люди совершают осмысленные действия, при этом они руководствуются самыми разными соображениями. Мы понимаем смысл этих действий, но насколько, собственно говоря, мы его понимаем? Действие – это не изолированный атом социальности, а смысл его непонятен, если не отсылает к более обширному полю смыслов. Именно в смысловых связях действие становится рациональным или традиционным (веберовская классификация действий устроена сложнее, но вдаваться в ее детали сейчас мы не будем). Именно более длинные и сложные связи позволяют отнести составление документа или перекладывание бумаги из стопки в стопку к бюрократической деятельности, а математические действия в одном случае к научной работе, а в другом – к банковской сфере. Значит, нам мало знать, что действующий сложил или перемножил какие-то цифры, ведь за ними (и он знает это) в одном случае стоят переводы денег, а в другом – изменения веса и пропорций химических веществ. Но что собой представляет эта смысловая связь? Если она устойчивая, значит, субъективный смысл не так уж субъективен. Он субъективен в первом приближении, именно так смысл действия соотносится с актуальным пониманием. Но поскольку в дело вступает интерпретация, смысл оказывается разным в зависимости от контекста толкований. Вот почему так удобно стартовать с определений Вебера и так трудно продолжать вместе с ним. Первые определения указывают на нечто интуитивно очень достоверное: вот человек, вот действия, вот смысл, который он в них вкладывает, вот смысл, который наблюдатели в них усматривают. Но наблюдатели могут соотносить доступный пониманию субъективный смысл с более широкими смысловыми связями очень по-разному. В частности, они могут акцентировать нормативный или фактический характер смысла. Именно это нам сейчас потребуется разъяснить.

Представим себе, что совершено действие, которое, с точки зрения действующего, лишь часть сделки, например, купли или продажи. Так это понимает сам действующий, так понимает это и наблюдатель. Однако через некоторое время сделка судом объявляется недействительной. Это значит, что действующий ошибался, он принял за сделку то, что ею не было. Тем не менее социолог может сказать, что действующий производил рациональные экономические действия, его ошибка не мешает признавать их как экономическими, так и рациональными. Они экономические, потому что он покупал или продавал. Они рациональные, потому что он

рассчитывал получить прибыль. Конечно, можно сказать, что здесь произошло то же самое, что бывает при ошибках в вычислении: тот, кто решает задачу, знает правила и стремится применить их в расчетах, но отсюда не следует, что его результат будет всегда правильным. В свою очередь, неправильный результат не свидетельствует об отсутствии понятной нам рациональности. Но есть разница между первым примером и вторым. Во втором случае даже неправильные вычисления остаются вычислениями, в первом – с юридической точки зрения – недействительная сделка при определенных обстоятельствах перестает быть сделкой вообще, хотя здесь есть свои тонкости и наше описание слишком грубо. Тем не менее есть множество социальных ситуаций, в которых нормативные, часто выраженные на юридическом языке (или языке морали) требования приводят к переквалификации самого действия, радикальному изменению его объективного или, по меньшей мере, признанного в обществе смысла. В одном известном рассуждении Аристотеля говорится, что врач, даже если он лечил неудачно, все равно остается врачом и деятельность его – врачевание. Но с точки зрения определенных систем права, охраняющего интересы профессиональных корпораций, врач не тот, кто лечит, а тот, кто признан корпорацией. Поэтому не признанной корпорацией лекарь может считать, что лечит больного, профессиональные врачи назовут его шарлатаном, а юристы преступником. Примеров большей или меньшей степени убедительности можно привести много, и мы видим, что Вебер был очень чувствителен к этой проблематике. Нельзя не учитывать субъективный смысл, говорил он вслед за юристами, которые занимались уголовным правом. Ведь преднамеренное совершение преступления и случайное должны быть наказаны по-разному. Но отдавать на откуп юристам квалификацию *всех* социальных действий было бы неправильно. Неокантианский юридический нормативизм даже не сравнивал то, что есть, с тем, что должно быть, но усматривал задачу науки в описании того *правильного*, к которому нужно стремиться. Именно поэтому Вебер настаивал на том, что субъективный смысл, о котором у него идет речь, – не «правильный», а фактический.

Еще одно, более тонкое и трудное рассуждение Вебера идет дальше. Допустим, говорит он, мы имеем дело с порядком, правила которого облечены в четкие формулы (Вебер использует слово «*gesetzt*»), которое использовалось в старом немецком праве и означало, что у корпорации имеется устав, статут). Вполне возможно, что кто-то захочет действовать с нарушением правил, субъективно отдавая себе в них отчет, но скрываясь, притворяясь, как шулер или вор. Он может так действовать именно потому, что ожидает от других соблюдения этого порядка или предполагает, что имеется, судя по наблюдениям, шанс на то, что они поведут себя так. Вот эти «средние ожидания» чрезвычайно важны для науки. Понимание действий отдельного человека или даже распространение такого понимания на множество людей – это еще не все. Наука исходит из того, что есть *объективная возможность*, объективные основания для того, чтобы множество людей действовало в среднем сообразно некоторому субъективному смыслу. Понимание не только отделяется от понимания мотивов действия отдельного индивида, но и не исключает фактических ошибок, которые ничего не меняют в понимании общего устройства порядка²⁶.

Но дело не только в значимости порядка. Если социолог, например, считает, что никакого государства или церкви как особого образования, помимо отдельных наблюдаемых действий, нет, то ведь люди, действия которых он изучает, могут считать иначе. Значит, надо принимать в расчет и этот смысл их действий, т. е. субъективную убежденность в том, что социальные образования существуют. Конечно, не все думают одинаково. Вот что пишет Вебер: «... Современное государство в значительной степени существует именно таким образом – как комплекс специфического совместного действия людей, потому что определенные люди ориенти-

²⁶ Это рассуждение Вебера, которое мы воспроизвели, сильно упростив, содержится в статье «О некоторых категориях понимающей социологии». См.: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Op. Cit. S. 442–443.

руют свое действие на представление, что государство существует или должно таким образом существовать, т. е. что порядки такого юридически ориентированного рода имеют значимость»²⁷. Но в социальной жизни есть много других, одинаковых или однородных действий, и то обстоятельство, что всякий раз отдельный человек совершает отдельное наблюдаемое действие, совершенно не мешает тому, что не только ученый из других дисциплин, но и обычный человек скажет: «Армия выдвинулась на позиции», «государство повысило налоги», «церковь выступила против» и т. п. Поэтому вопрос о том, что в данном случае дает социология, совершенно не праздный. Социология может продемонстрировать способность к переописанию социальной жизни таким образом, чтобы все понятия, которым в других дисциплинах соответствуют «большие вещи», стали бы только именами однородных действий. Однако продуктивность такого переописания далеко не очевидна, и *практически* может оказаться и более целесообразно, и просто удобно пользоваться аппаратом и способами рассуждения юриспруденции, религиоведения и т. п., чтобы дать наиболее экономные и адекватные описания и объяснения. Именно так нередко поступал и сам Вебер, предлагая воздерживаться от излишнего педантизма. К словам его, повторим еще раз, надо относиться очень серьезно, не только в связи с его методологическими аргументами, но при чтении других работ, которые, конечно, не могут и не должны быть снабжены специальными этикетками, указывающими, куда, к какой дисциплине и жанру их отнести. Нужно помнить, что в отношении разных текстов Вебера нужна большая осторожность. Нет сомнения в том, что при необходимости все то, что он говорит в публицистических сочинениях или в статьях, которые мы сегодня отнесли бы к политической науке, можно представить также и на языке его социологии. Но социология – не всегда последнее слово Вебера в важных для него вопросах. Именно поэтому о государстве, нации, народе, армии, культуре и т. п. он сам иногда может говорить, как о реальных единствах, а не просто совокупностях действий. Здесь нет противоречия и нет догматизма, но нет и последней ясности, которой мы были бы вправе ждать от классика.

²⁷ Об этом Вебер пишет в работе «Основные понятия социологии».

V

Тот, кто сравнительно редко сталкивался с сочинениями Вебера или знакомился с ними отрывочно, по хрестоматиям и учебникам, обнаружит даже в этом небольшом сборнике удивительное разнообразие материалов и аргументов. «Парламент и правительство в новой Германии» – это программный текст, написанный, конечно, на злобу дня, но при том позволяющий судить о принципиальной позиции Вебера, который участвовал в становлении республики, написании конституции Веймарской Германии и политических баталиях своего времени. У него были серьезные политические амбиции, хотя как публичный политик он не состоялся. Зато обоснование так называемого национального либерализма, глубокое проникновение в проблемы представительного правления оказались связаны у него не только с актуальной повесткой, но и с общим представлением о задачах модернизации, которые стояли перед Германией, пережившей тяжелое военное время.

Вебер был, с одной стороны, представителем крупной и, в известном смысле, *космополитической* немецкой буржуазии, связанной деловыми и родственными узами если не со всей Европой, то по меньшей мере со значительной ее частью. Богатый, прекрасно образованный, вынужденный по состоянию здоровья провести много времени за границей, Вебер, однако, был вместе с тем немецким патриотом и националистом в точном историческом смысле слова. Он считал, что Германия должна и имеет право отвоевать себе более влиятельное положение в мире, чем то, в котором она находилась накануне Первой мировой войны. Перед ней, считал он, стоят всемирно-исторические задачи. Пацифизм ему был чужд, поражение Германии в войне он переживал тяжело, но безо всякого раскаяния. И во время войны, и после войны Вебер настаивал на необходимости освободить политику от эмоций, говорил о предметной, объективной (*sachlich*) политике. Именно отсюда удобно начать рассматривать некоторые аспекты его концепции власти.

Возможно, один из самых важных его текстов военных лет называется «Deutschland unter den europäischen Weltmächten». Это можно перевести так: «Германия среди европейских мировых держав» (1916). Слово «держава» – русское, привычное, для нас (если не вдаваться в этимологию) это обозначение большой сильной страны. Оно хорошо подходит, когда надо перевести немецкое «Weltmacht». Но «Macht» по-немецки – это также «власть», а кроме того – «могущество». И когда Вебер для характеристики своей страны использует слово «Machtstaat», мы не можем, конечно, механически продолжать переводить в том же духе: «государство-держава». Это будет понятно, но совсем недостаточно! Поэтому вспомним о других значениях слова «Macht» и переведем этот термин как «могущественное государство». Этого будет, однако, тоже недостаточно. У одних государств могущества больше, у других меньше, дело не в количестве, дело, так сказать, в самой ставке на власть! «Machtstaat» у Вебера – это не просто государство, набравшее сил, богатое людьми и ресурсами, но и государство, которое опознает свое могущество как задачу, «властное государство». «Наши внешние интересы, – говорит Вебер про Германию, – в значительной части обусловлены чисто географически. Мы – властное государство. Для каждого властного государства соседство другого властного государства мешает свободно принимать политические решения, потому что приходится учитывать соседа. Для каждого властного государства желательно быть окруженным как можно более слабыми государствами или как можно меньшим числом других властных государств. Однако такова наша судьба, что лишь Германия граничит с тремя великими континентальными державами (Landmächte), да к тому же и самыми сильными вблизи от нас, а помимо того, непосредственно соседствует еще и с величайшей морской державой, и всем им она стоит поперек

дороги. Такого положения нет больше ни у одной страны в мире»²⁸. Отсюда Вебер и выводит – путем рассуждений, проследивать которые шаг за шагом здесь нет ни возможности, ни особой нужды – необходимость для Германии деловой, объективной политики. Мы видим, конечно, насколько отличаются эти аргументы от его социологического номинализма: есть держава, есть ее географическое положение, есть страны сопоставимого уровня могущества, граничащие с ней, у них есть интересы, как и у Германии, а значит, речь здесь идет не о субъективном смысле, а об объективных интересах тех коллективных политических единиц, которые вступают между собой в отношения, как люди с индивидуальными интересами и целеполаганием. Эти интересы и целеполагание Вебер отказывается считать экономическими. Они либо сугубо военные (соображения безопасности), либо именно *политические*. Однако Вебер не согласен и со сторонниками «реальной политики», если понимать под этим исключительно преследование каждым государством своей корысти в международных отношениях. Вебер настаивает на том, что у немцев в этой войне есть важная культурная задача и что именно эта задача составляет для них подлинный смысл реальной политики. «В историческом бытии народов у могущественных государств и у внешним образом малых наций есть своя длительная миссия... Лишь в малых государствах, где большинство граждан лично знает друг друга или может познакомиться... возможна подлинная демократия и только лишь там вообще возможна подлинная, основанная на личном доверии и личном вкладе аристократия. В массовом государстве то и другое изменяется до неузнаваемости: бюро кратия вместо избранной народом или исполняющей на следственные почетные должности администрации, вымуштрованная армия вместо народного ополчения становятся неизбежными. Такова неумолимая судьба организованного в массовое государство народа. Потому-то швейцарец *Якоб Буркхардт* в своих „Размышлениях о всемирной истории“ расценивал власть как стихию зла в истории... Почему же сами мы обрекли себя на эту политическую судьбу, отдались закланию власти? Не из тщеславия, но ввиду ответственности перед историей. Не от швейцарцев, датчан, голландцев, норвежцев станет потомство требовать отчета за то, какую форму примет на Земле культура. Не их, а нас – с полным на то правом – оно станет бранить, если в Западном полушарии нашей планеты не останется ничего, кроме англосаксонских конвенций и русской бюрократии... Народ, насчитывающий семьдесят миллионов человек и живущий между такими мировыми завоевателями, должен был стать властным государством... Этого требовала честь нашего народа. Немецкая война – мы не забудем этого – является делом чести, а не вопросом изменений на карте или извлечения экономической выгоды»²⁹.

Этот текст Вебера можно считать вершиной его империалистической риторики³⁰. Но, конечно, ею он не исчерпывается. Прежде всего, мы видим важное различие большого и малого государства, причем большое он может называть также империей, рейхом (таково, напомним, и было официальное именование Германии после объединения). Большие государства в принципе устроены иначе, чем малые. В малых возможна более непосредственная, основанная на личном знакомстве демократия и народное ополчение. В больших – бюрократия и вымуштрованная, т. е. отделенная от народа, армия. На этом различии мы должны задержаться, потому что отсюда можно перейти к более сложным, теоретическим вопросам. Государству Вебер дает довольно сходные между собой определения в «Основных социологических понятиях» и в «Политике как призвании и профессии». Сходство настолько велико, что в обиходе уже задержалось, как кажется, главное: «государство обладает монополией на леги-

²⁸ Weber M. Zur Politik im Weltkriege. Schriften und Reden 1914–1918. S. 64.

²⁹ Ibid. S. 76–77.

³⁰ Впрочем, исследователи советуют не переоценивать империализм Вебера. Для него было важно не только то, что Германия выступала носителем культуры и – как великая держава – условием существования и сохранения меньших, не обремененных исторической миссией народов, но и умеренность, разумность в постановке задач, в том числе и в ходе войны. См.: *Beetham D.* Max Weber and the Theory of Modern Politics. London: Allen & Unwin, 1974. P. 131–143.

тимное насилие». Конечно, этого недостаточно. Государство не просто обладает этой монополией, оно с успехом на нее притязает или ею пользуется. Это значит, что оно может вступить в конкуренцию и победить другие силы или, как их называет Вебер (на этом понятии мы еще остановимся ниже) политические союзы. Это своеобразное повторение того, что мы видели у Гоббса: никто не может по силе своей сразиться с сувереном внутри государства, а если кто-то решится, то сил у него все равно не хватит, а если силы будут соразмерными, то все равно на это нет права. В определении государства, которое Вебер дает в докладе «Политика как призвание и профессия», момент деятельного утверждения монополии хорошо виден: «...Государство есть та *человеческая общность*, которая внутри определенной области – „область“ включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия». Это не единственное определение государства в докладе, однако нам придется сначала задержаться на нем, потому что в сжатую формулу здесь заложено слишком многое, нуждающееся в истолковании. Слово «общность» («*Gemeinschaft*»), его можно не менее правильно перевести как «сообщество») очень важное. Вебер его, так сказать, присвоил и несколько переинтерпретировал в своей социологии, а изобрел его социологическое значение великий современник Вебера Фердинанд Тённис (1855–1936). Общность, или сообщество – это связь между людьми, в наименьшей степени обусловленная рассуждениями и рациональными интересами, в отличие от того, что называется «*Gesellschaft*», «общество», где такие интересы и основанный на них выбор играют главенствующую роль³¹. Вебер не хотел в своих определениях упускать из виду постоянно совершающиеся действия, с которыми связан субъективный смысл. В случае *Gemeinschaft* 'а субъективный смысл означает *чувство* того, что некоторые люди, как говорят немцы, взаимно принадлежат друг другу, скажем, как члены семьи или общины. Искусственно звучащая не только по-русски, но и по-немецки языковая конструкция понадобилась Веберу, чтобы на место понятий Тённиса «*Gemeinschaft / Gesellschaft*», за которыми поневоле видятся какие-то «социальные вещи», поставить более строго образованные в рамках его социологии социального действия понятия «*Vergemeinschaftung / Vergesellschaftung*»³². В докладе «Политика как профессия» Вебер обходится без этого искусственного слова, он пишет «*Gemeinschaft*», «общность», но тему государства как *Gemeinschaft* 'а больше не развивает, как и в статье «Парламент и правительство в новой Германии». Обратим внимание на то, что в это время уже написана, в основном, ранняя версия книги, которую мы знаем как «Хозяйство и общество»; в нее, в частности, входит глава «Политические общности». По идее, Вебер должен был бы просто развить содержащиеся в ней аргументы, применить к более узкому вопросу и современному материалу. Однако дело обстоит иначе.

С понятием общности в статье «О некоторых категориях понимающей социологии» и ранней версии «основного труда» Вебер связывает понятие *действия*, которое сильно напоминает его позднейшее понятие *социального действия* (или действия). Это такое поведе-

³¹ См. в русском переводе: Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. Здесь же можно посмотреть и мою статью, в которой подробно исследовано понимание Тённисом общности, общества и государства.

³² Передать «*Vergemeinschaftung*» по-русски по аналогии с тем, как из «общества» (*Gesellschaft*) делается «обобществление» (*Vergesellschaftung*), совершенно невозможно, так что мы его оставили «общностью». С историей терминов и значением их у Вебера всё очень просто: «*Vergesellschaftung*» наводит на мысль о переключке с Зиммелем, который видел в исследовании «*Formen der Vergesellschaftung*» («форм обобществления») одну из ключевых задач социологии и не склонен был, как и Вебер, видеть в обществе «целое». Но дихотомия «*Vergemeinschaftung / Vergesellschaftung*» отсылает скорее к Тённису. В статье «О некоторых категориях понимающей социологии», которая является первым опытом Вебера в деле выстраивания собственной теоретической системы, Вебер обосновывает другую дихотомию: «*Gemeinschaftshandeln / Gesellschaftshandeln*». Необходимые уточнения, поскольку нам придется столкнуться с этой парой понятий, будут сделаны дальше в тексте. Исследователи Вебера спорят, согласен ли Вебер с Тённисом или скорее полемизирует с ним. См. обзор подходов в статье: Lichtblau K. «*Vergemeinschaftung*» und «*Vergesellschaftung*» bei Max Weber. Eine Rekonstruktion seines Sprachgebrauchs // *Zeitschrift für Soziologie*, 2000. Jg. 29, Hef 6, Dezember, S. 423–443. Это не узкий историко-социологический вопрос, но проблема правильной интерпретации веберовских теоретических построений на разных этапах его эволюции.

ние людей, которое по своему смыслу ориентировано на поведение другого или других. Если есть несколько человек, если они действуют не порознь, а учитывают, что и другие тоже совершают действия, можно считать, по Веберу, что между ними есть общность. Когда она оказывается политической? – Когда их действия направлены на то, чтобы «некая область» (необязательно постоянная, с прочными границами, но все же как-то ограниченная) и действия людей, которые пребывают на ней длительно или даже временно, находились бы, посредством упорядоченного господства, в распоряжении участников, готовых к применению физической силы, причем, что нормально, вооруженной (а иногда захватывались бы и более широкие области)»³³. Очевидно, что политическая общность – одна группа людей, а те, над кем она господствует, – в основном, другие люди, хотя это не обязательно так. Во-первых, политическая общность есть не всегда. Например, если большие семьи, домохозяйства, самостоятельно или через соседскую взаимопомощь организуют отпор врагу, политическая общность не возникает. Во-вторых, даже то, что относится к минимальному набору признаков, предполагаемых этим понятием, а именно «насильственное утверждение упорядоченного господства над некоторой областью и живущими там людьми»³⁴, не обязательно является признаком одной и той же общности. Одни общности могут время от времени заниматься организацией отпора врагам, а другие могут делить между собой организацию внутреннего порядка. Далее Вебер говорит, что отпор, который приходится организовывать политической общности, может быть направлен против внешних, а также *внутренних* противников, таким образом, некоторые из членов общности участвуют в ней, выполняют то, что от них требуется, лишь потому, что сами могут подвергнуться физическому насилию и знают об этом. Общность действия здесь связана с тем, что и внешние по отношению к ней люди, и ее участники стоят перед угрозой не просто силы, но физического уничтожения. «Серьезность смерти» индивида, его гибели за интересы общности, сообщает ей специфический пафос и эмоциональные основы. Борьба не на жизнь, а на смерть порождает общие воспоминания членов общности, которые оказываются сильнее всего, что дает культура, язык, происхождение. Национальное сознание именно отсюда получает свою «последнюю решающую ноту»³⁵. А поскольку «серьезность смерти» и борьба могут отличать не политическую общность, Вебер снова возвращается к контролю над территорией, прежде всего, конечно, сушей, но также и морем. Понятно, продолжает он, что чем дальше в прошлое, тем менее обособленной оказывается политическая общность, чем ближе к нашим дням, тем больше *количество* переходит в *качество*: не только множество случаев и множество людей оказываются под угрозой насилия, но и само насилие приобретает новое, правовое измерение. Современные политические общности – государства – *легитимны*, они *вправе* распоряжаться жизнью и смертью, узурпировав монополию на насилие. «Этот авторитет (*Prominenz*) гарантированного политическим насилием „правопорядка“ возник в процессе медленного развития благодаря тому, что другие общности, выступавшие носителями принуждающего насилия, под давлением экономических и организационных сдвигов потеряли свою власть над индивидом...»³⁶.

Далее Вебер говорит о «политических образованиях» (*politische Gebilde*), не давая им, впрочем, никакого строгого определения, за исключением того, что все они суть «образования насилия» (*Gewaltgebilde*). Некоторые из них ориентированы в большей мере на автономию, а другие – на экспансию, т. е. на то, чтобы утвердить свою власть над другими образованиями. С этим связаны *претензии*, *гордость* и *престиж*. «Чистый престиж власти» означает

³³ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 5. Revidierte Aufl. / Besorgt v. J. Winckelmann. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1985. S. 514.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. S. 515.

³⁶ Ibid. S. 516.

честь обладать властью над другими, хотя и не обязательно в форме прямого подчинения³⁷. «Те политические общности, которые выступают носителями „престижа власти“, в наши дни обычно называют „великими державами“»³⁸, причем некоторые из них могут проявлять интерес к процессам, совершающимся на очень обширных, иногда охватывающих всю планету пространствах. Понятие «*Gemeinschaft*» здесь явственным образом переинтерпретируется, у него исчезает любая (будь то по Тённису, который говорил об «общности почвы», будь то «определенная географическая область» самого Вебера) привязка к территории. Остаются интересы престижа, чести и гордости, которые в принципе безграничны, потому что притязания не знают границ, хотя экспансия не обязательно характерна для великих держав. Вообще же нет ничего особенного в том, что географические условия и границы политической общности не совпадают.

Если мы, с точки зрения этих рассуждений, посмотрим теперь на работы «Парламент и правительство...» и «Политика как призвание и профессия», то увидим, что в них практически нет места «политической общности». Правда, Вебер говорит, что политическое насилие как общее действие имеет изначальный характер, но постепенно, в результате развития возникает «монополизация легитимного насилия»³⁹. Эта монополия принадлежит союзу, господствующему над определенной областью и организованному как учреждение, т. е. относящемуся к другому типу социального действия, рационально-целенаправленному *обобществлению*. Его Вебер называет государством, как и в других сочинениях. Мы помним, что про небольшие государства современной ему Европы, где граждане чуть ли не все знакомы между собой, где армия и полиция не являются совершенно обособленными, Вебер говорил: лишь здесь возможна настоящая демократия; но дело обстоит совершенно иначе в массовых государствах, т. е. государствах, где отделенный от народа слой правящих *не образует* вместе с народом никакой политической общности. Вопрос общности остро стоял во время войны, в ходе которой столкнулись между собой, между прочим, внутренне гетерогенные, разноязыкие и разноплеменные империи. Представьте себе австрийского офицера в окопе с солдатами, которые едва понимают язык команд, говорит Вебер, какая у него с ними общность? А в случае поражения? И тут же продолжает: «А гляньте дальше на восток, на русское войско, самое многочисленное на земле. Два миллиона пленных – ясное свидетельство того, что государство может, конечно, многое, но у него нет власти вынудить свободную самоотдачу ему индивида, без чего не было бы возможно внутреннее возрождение Германии в начале этой войны»⁴⁰. Таким образом, Вебер фиксирует несколько достаточно различных и по-разному развивающихся видов политического действия. В эпоху, когда многим (во всяком случае, до войны) казалось, что государство либо отмирает, либо обречено на отмирание, Вебер останавливает внимание именно на государстве, связывает государство и территорию, государство и границы, государство и способность принуждения, насилия, вплоть до смертной казни. Государство вырастает из политической деятельности, политической жизни сообществ. Политическая жизнь как высший род человеческого существования не была, конечно (и Вебер как историк знал это), ни уделом всех, кто проживал когда-то в малых политических образованиях, ни жизнью, которую бы постоянно вели члены политического сообщества. Дополитическое (прежде всего домохозяйства) не только предшествовало политическому, но и сосуществовало с ним. Мы видели это у Гоббса: домохозяйства и союзы домохозяйств могут и не перерасти в государство; внутри самого государства они сохраняются как то, что не затрагивается «общественным договором», но при известных обстоятельствах может оказаться угрозой

³⁷ См.: Ibid. S. 520.

³⁸ Ibid. S. 521.

³⁹ Ibid. S. 516.

⁴⁰ Weber M. Zur Politik im Weltkriege. Schriften und Reden 1914–1918. Op. Cit. S. 72.

для мира. Дополитическое у Вебера как таковое могло быть также аполитическим или противоположным политическому как конкретному порядку, или даже обращаться в иное политическое, конкурирующее с основным и враждебное ему. Отказ от понимания государства и прочих политических образований как вещей сильно затруднил Веберу возможность просто выразить свою мысль, но зато позволил уловить и высказать то главное, что остается тайной и загадкой для многих даже и через 100 лет после его открытий. Это главное состоит в том, что при определенных условиях, конечно, *политическое* (как позже скажет Карл Шмитт, субстантивировав прилагательное) способно втягивать человека чуть ли не целиком, стать доминирующим содержанием его действий. В обстоятельствах, когда ведутся военные действия, это особенно заметно. Но если мы попытаемся сконструировать из наблюдений за тем, как люди совместно ведут эти действия, некоторое представление о целом, например, о сообществе как органическом единстве, нас ждет разочарование. Люди совершают много разных действий, которые *по смыслу* совершенно другие, неполитические. И совместные политические действия далеко не всегда *по смыслу* относятся к одному и тому же сообществу на данной территории. И состав участников, конечно, тоже не всегда один и тот же (если даже не вводить дополнительные уточнения и не указывать на то, что под участниками здесь имеются в виду определенные категории людей, а не просто конкретные индивиды с их не столь уж долгой жизнью): политическая общность остается той же самой, когда участники занимаются другими делами или когда индивидуальный состав участников меняется. Но внятность, определенность, ограниченность этой общности как смысла индивидуальных действий есть не с самого начала, она возникает, она становится результатом того, что другие социологи называют дифференциацией. Избегая обобщений, Вебер все-таки рисует картину направленного исторического процесса, в ходе которого дополитическое так или иначе переходит в политическое, совместные действия людей, общность становится – на время, отчасти, а потом все более постоянно и сильно, со все большей фиксацией на территории с прочными границами – политической общностью. В определенных обстоятельствах места и времени эта общность (снова и снова повторим за Вебером: способ организации действия) вбирает в себя многих, территория становится постоянной, внутренних врагов нет, потому что тех, кого не удалось заинтересовать, воодушевить и увлечь, удается принудить, навязать порядок. Но движение не останавливается. Великий процесс становления модерна приходит к появлению действий совсем иного рода, рациональных и целенаправленных. В той точке этого процесса, которую Вебер фиксирует в ходе мировой войны еще можно попытаться обнаружить *Gemeinschaft*, политическую общность, которая предполагает высокую степень единения граждан (заметим, как меняется, приближаясь больше к терминологии Тённиса, смысл слова «*Gemeinschaft*»). Но, если не считать маленьких стран, степень *непосредственности* демократий в которых Вебер возможно преувеличивал, он лишь очень осторожно и неуверенно, несмотря на весь публицистический пафос, может указать лишь на культурную общность Германии, войны которой (а это ли не политическое сообщество?) связаны между собой гораздо более сильным ощущением общности перед лицом смерти, чем религией, национальной культурой и гражданством.

Но почему нельзя назвать политической общностью профессиональных политиков, именно тех, кто, строго говоря, и составляет государство, выделяющееся в особый порядок, особый *космос*? Их немного, если сравнить со всем населением, они как раз и формулируют те правила, по которым вынуждены жить все остальные, они монополизировали распоряжение физическим насилием. Все так, и Вебер не упускает из виду, например, преимущества малочисленности, позволяющей быстрее договариваться между собой, держать дела в тайне и многое другое. Однако есть еще один важный момент. Государство предполагает совсем иной тип социального действия, и одним только указанием на общность здесь ограничиться нельзя. Вот почему Вебер, рассматривая профессионализацию политики, не развертывает, не развивает понятие общности, которое все еще остается в первом определении. За ним сле-

дует еще одно: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т. е. считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует»⁴¹. Здесь государство оказывается политическим союзом, а не общностью, и мы еще увидим, насколько важно это изменение. Кроме того, здесь не столько искусно, сколько искусственно связаны насилие (о нем Вебер не устает напоминать постоянно) и авторитет, т. е. власть, для подчинения которой есть *внутренние основания*, готовность подвластных, а не только страх. Вебер в этой связи говорит о легитимности. Наконец, Вебер дает еще одно определение. Он говорит, что «современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»⁴².

Здесь уже появляются категории «союз господства», «учреждение» и «предприятие». В «Основных социологических понятиях» они встроены в общую социологию Вебера как науку об истолковывающем понимании социального действия, причем схема эта более продуманная и логичная, хотя, быть может, и более сухая, позволяющая увидеть меньше оттенков социальной жизни, чем в других его работах: «Политическим союзом называется союз господства, если и поскольку его существование и значимость его порядков в пределах некоторой поддающейся определению географической области постоянно гарантируются применением и угрозой применения физического принуждения со стороны штаба управления. Государством называется политическое предприятие-учреждение, если и поскольку его штаб управления с успехом пользуется монополией легитимного физического принуждения для осуществления порядка»⁴³. Это почти дословное повторение встреченных нами ранее определений, однако здесь появляется *штаб управления* и, напомним, полностью исчезает общность. Политическое и неполитическое полностью разведены: на одной стороне – насилие, штаб, навязывание порядка, на другой – повиновение, дисциплина (она, как и господство, тоже входит в число основных понятий), вера в легитимность навязываемого порядка. Что такое «предприятие», «учреждение» и «союз»? Читаем § 15 «Основных социологических понятий»: «Предприятием называется непрерывное целевое действие определенного рода, предприятием-союзом – обобществление со штабом управления, непрерывно действующим целевым образом». Чуть ниже определяется учреждение: так «называется союз, сформулированные порядки которого бывают (относительно) успешно навязаны в пределах некоторой определенной области применения всякому определенному, в соответствии с известными признаками, действию»⁴⁴. Это делает еще более ясным понятие государства, описываемого в терминах действия. Действия людей устроены так, что, если положить в основу самый простой индивидуальный акт, можно прийти к предприятиям, союзам и учреждениям. Если люди действуют постоянно целесообразно (т. е. ставят себе цель и разными средствами ее достигают), Вебер называет это предприятием, поэтому у него предприятия бывают не только в промышленности, но и в государстве, в науке, даже церковь он может назвать «предприятием спасения». Штаб управления – это те люди, которые вместе с руководителем союза действуют, как правило, для его, союза, поддержания и *репрезентации*.

⁴¹ Наст. изд. С. 254.

⁴² Наст. изд. С. 260.

⁴³ Наст. Изд. С. 406.

⁴⁴ Наст. изд. С. 403.

Перед нами в некотором роде перевернутая схема Гоббса. Вспомним: у Гоббса конструкция государства базируется на том, что люди собираются и авторизуют *суверена*, репрезентирующего их единство, который, в свою очередь, уполномочивает для отправления части своих обязанностей специальных служителей. Сам он представляет в своем едином лице народ, а служители представляют его и лишь потому имеют власть в государстве. У Вебера же порядки устанавливает глава союза, ему помогает его штаб управления, вместе они (или только глава) представляют союз. Правда, все это не имеет никакого исторического или псевдоисторического измерения в виде общественного договора, Вебер фиксирует не генезис союза, а значимость смысла для тех, кто совершает действия. Принимая порядки союза (в том числе и потому, что эти порядки им силой навязываются), они соглашаются на то, что их устанавливает глава союза, что их интерпретирует и за исполнением их следит штаб управления. Получается, что глава союза (государства) и его штаб – это и есть союз, например, государство. Действительно, законы устанавливает и за соблюдением их следит ограниченный круг людей. Армия, полиция, министерства и суды, послы и генералы – все те, кто не просто подчиняется порядкам, но принимает участие в их установлении и поддержании, а также до известной степени действует от имени государства, все они и есть государство!

VI

Чтобы это выглядело таким образом, с политикой должны были совершиться важные изменения, отчасти уже описанные нами выше. В докладе о политике Вебер договаривает некоторые ключевые аргументы до конца. Прежде всего: политическое разлито по всему социальному, вот почему политической мы называем деятельность «самостоятельного руководства»: политическое в старом, греческом смысле есть дело свободных людей. Свободный человек сам ставит себе цель, т. е. смысл действия определяется для него не кем-то другим, а им самим. Значит, другой человек может быть для него либо свободным сотрудником, либо инструментом, средством. В последнем случае это рабская, подневольная, как ни крути – не политическая деятельность. Не может быть политической деятельностью того, у кого смысл действий задается другим человеком, кто является его инструментом. Но что происходит дальше? Смысл сгущается, из самостоятельного «время-от-времени» он превращается в постоянный, концентрация политического приводит к формированию слоя тех, для кого она составляет основной смысл. Социальное место такой деятельности – политический союз. Здесь, однако, возникает явное затруднение. Если политическая деятельность всегда самостоятельная и руководящая, а союз – это, грубо говоря, начальник плюс штаб, то каков политический смысл штаба? По отношению к управляемым все ясно: штаб руководит теми, кто подчиняется. Но как быть с отношением штаба к начальнику? Отказавшись от сложных тем «общего учения о государстве» (но сузив попутно возможности собственно социологии), Вебер говорит: «В данном случае нас интересует прежде всего... господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной „харизме“ „вождя“... Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне „призванным“ руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам „вождь“ живет своим делом, „жаждет свершить свой труд“, если только он не ограниченный и тщеславный выскочка»⁴⁵

⁴⁵ Наст. изд. С. 256.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.